

- ¹ См.: Чуешов В.И. Теоретико-исторические основания аргументологии: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. СПб., 1993. С. 159–160.
- ² Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. *Traite de l'argumentation: La Nouvelle rhetorique*. Bruxelles, 1988. P. 36.
- ³ Ibid. P. 59.
- ⁴ Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М., 1992. Т.1: Чары Платона. С. 175.
- ⁵ Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. *De la temporalite comme caractere de l'argumentation // Rhetoriques*. Bruxelles, 1989. P. 449.
- ⁶ Perelman Ch. *Logika prawnicza. Nowa retoryka*. Warszawa, 1984. P. 147.
- ⁷ Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. *Op. cit.* P. 31.
- ⁸ Eemeren F. H. van, Houtlosser P. Delivering the goods in critical discussion // *Proceedings of the Fourth International Conference of the International Society for the Study of Argumentation*. Amsterdam, 1999. P. 163.
- ⁹ Ziegelmüller G., Parson D.W. *Linguistically Sound Arguments // Ibid.* P. 913.
- ¹⁰ См.: Eemeren F.H. van, Grootendorst R., Kruijer T. *Handbook of Argumentation Theory*. Dordrecht, 1987. P. 7.
- ¹¹ Емерен Ф.Х. ван, Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки / Пер. с англ. СПб., 1992. С. 12–13.
- ¹² Feteris E.T. Rationality in legal discussions // *Studies in Pragma-Dialectics* / F.H. van Eemeren and R. Grootendorst (eds.). Amsterdam, 1994. № 4. P. 33.
- ¹³ Ibid. P. 26.
- ¹⁴ Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм / Пер. с нем. М., 1998. С. 256.
- ¹⁵ Там же. С. 257.
- ¹⁶ Емерен Ф.Х. ван, Гроотендорст Р. Указ. пр. С. 178.
- ¹⁷ Козловски П. Указ. пр. С. 254.

Поступила в редакцию 16.06.2003.

Андрей Валерьевич Орлов – преподаватель кафедры философии и методологии науки. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Я.С. Яскевич.

Е.В. МАТУСЕВИЧ

ПОСТМОДЕРНИЗМ И ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ ТИПОВ ДИСКУРСА В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ КРИТИКЕ

Проведен анализ двух типов дискурса конца XX в. – постколониального и постмодернистского. Постколониальная парадигма определена в качестве сферы «реального опыта» в противоположность онтологической заданности постмодернистской теории. Особое внимание уделено специфике взаимосвязи и взаимозависимости постколониальной критики с проблематикой «пограничного мышления» и маргинализации.

This article attempts to analyze two types of discourse – the phenomena of postcolonial theory and postmodern discourse of the late XX century. The postcolonial paradigm is defined as a system of «real experience» different from the ontological postmodern philosophy. Special attention is paid to the correlation of postcolonial criticism and the problems of «border thinking» and marginality.

Начало XX в. со всей очевидностью обнаружило, что реалии, присущие одной культуре, незаметно переходят в явления глобальные, «растворяя» национальные границы. Место понятий «универсальность», «единичность» и «ассимиляция» в философском и культурологическом текстах заняли «культурное разнообразие», «релятивизм» и «инаковость». Все чаще критики обращаются к своеобразию их трактовок и проявлений в определенных социокультурных контекстах. К примеру, метод подмены понятий «инаковость» и «культурное разнообразие» оппозицией свой/чужой в результате привел к кризису социокультурной идентификации во многих странах мира. Это выражалось в ощущении «безместности» – утрате возможностей соотнесения и/или принадлежности к социальной и культурной системам общества. Используя терминологию представителей современной западной философской мысли, подобная «безместность» обозначается понятием «дислокация». Однако такие «бездомные», иногда недостаточно, а то и вовсе

¹ Понятие предложено Жилем Делезом и Феликсом Гваттари в книге «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения» (1990).

не «представленные» культурной традицией, а ставшие таковыми в результате действия теории.

Принимая во внимание то, что постколониализм – это теория, охватывающая период, ознаменованный расхождением (или расхождением) отропоцентристской) трактовки «Orientalism» (1978), обобщающей периферийного господства двух фундаментальных властей, палестино-американских лондонских построений. В качестве незаменимого соавтора. Опыт накопления информации в странах занимающих убеждающим в необходимости вания последствий имперского наемника развития локальной динамики в Европе, привнесения ратуры и знание/опыт каллизованной) миссии. Изнуряюще политический характер (единой) системой власти, цию в постколониальных различных формах в различных контекстах посредством одной стороны, и насилия – с другой. Подход, что во многих культурах определения, синкретизма, ального и расового угнетения актуален и по сей день. (ной) проблематики не только на турном уровне позволил наметить новую область исследований.

Понятие постколониализма появилось в 1989 г. с появлением книги Теория и практика в постколониальном мире Гриффитса и Хелен Тифф.

Критический анализ и своеобразием синтезе на

- миграция, рабство, насилие (социально-политический);
- репрезентация, разделение (политический);
- модернизация, лингвистический, лингвистический;
- фундаментальные проблемы, уже были сформированы.

В методологическом направлении прежде всего направлено на репрезентацию ставителями постмодернизма занимает главенствующее место. Проблема взаимосвязи

не «представленные» культурные группы сформировали объект исследований столь популярной в системе современного знания постколониальной теории.

Принимая во внимание хронологические рамки, необходимо подчеркнуть, что постколониализм занимает видную позицию лишь с 1970-х гг. – периода, ознаменованного публикацией влиятельной критики западной (европоцентристской) трактовки образа Востока («Orient») Эдварда Саида – «Orientalism» (1978), обозначившего позицию противостояния системе империалистического господства и европоцентризма. Переосмысливая проявления двух фундаментальных оснований имперского авторитета – знания и власти, палестино-американский критик заложил основы будущих постколониальных построений. Знание – понятие, чаще всего выступающее в качестве незаменимого союзника экономического и политического контроля. Опыт накопления информации в отношении «иных» культур позволял европейским странам занимать лидирующее положение, становился образом, убеждающим в необходимости знания друг о друге (хотя бы в силу сглаживания последствий империалистического доминирования). Стратегия и динамика развития локальных этнических групп напоминала процесс субординации в Европе, приносила в колонии европейскую систему языка, литературы и знание/опыт как часть облагораживающей (так называемой цивилизованной) миссии. Изначально подобная «благородная» идея носила сугубо политический характер, усиленная и одобренная господствующей (единой) системой власти, она занимала беспрецедентную активную позицию в постколониальных обществах. Европейский империализм принимал различные формы в различные времена и в различных социокультурных контекстах посредством сознательного планирования системы контроля, с одной стороны, и насильственного вмешательства в естественный ход развития – с другой. Подобная закономерность впоследствии вылилась в то, что во многих культурах стали проявляться процессы гибридизации самоопределения, синкретизма языков и культур, транснационализации, социального и расового угнетения и др. И хотя «опыт» протекающих процессов актуален и по сей день, следует отметить, что восприятие «постколониальной» проблематики не только на геополитическом, но прежде всего на культурном уровне позволило сформировать к 1990-м гг. целую междисциплинарную область исследований – «postcolonial studies».

Понятие постколониальности обретает статус научного термина лишь в 1989 г. с появлением сборника авторских статей «Переписанная Империя: Теория и практика в постколониальных литературах» (Билл Ашкрофт, Гарет Гриффитс и Хелен Тиффин).

Критический анализ постколониальной теории в целом базируется на своеобразном синтезе направлений:

- миграция, рабство, угнетение, тенденции маргинализации и сопротивления (социально-политический контекст освещения проблемы);
- репрезентация, различие, раса, самоопределение (философско-антропологический);
- модернизация наиболее влиятельных дискурсов Западной Европы: исторического, лингвистического и философского;
- фундаментальные практики говорения и письма, основные из которых уже были сформированы к тому времени.

В методологическом плане постколониализм близок постмодернизму, направленному прежде всего против логоцентризма западной традиции и форм ее репрезентации. Несмотря на это утверждение, полемика с представителями постмодерна в текстах представителей постколониальной критики занимает главенствующую позицию. Цель настоящей статьи – отразить проблему взаимосвязи двух типов дискурса посредством анализа тек-

стов последователей постколониализма Линды Хатчен, Стефана Слемона и Саймона Дюринга. Очевидно, что усиление теоретического интереса к постколониальной теории совпало с повышением роли постмодернистских практик в западном обществе, и эта тенденция привела одновременно к замешательству, беспорядку и частичному совпадению обеих.

Сложившаяся ситуация во многом зависит от того, что основной проект постмодерна – деконструкция централизации, осознанное «овладение» нарративными структурами европейской культуры, очень схож с постколониальным, сосредоточенным на подрыве маргинального бинаризма империалистического пространства. Децентрация дискурса, актуализация языковых значений и структур письма в пространстве опыта, использование субверсивных (разрушающих) стратегий мимикрии, пародии и иронии – все эти концепты функционируют наряду с постмодернистскими, выражая смысловое содержание двух представленных традиций. Как отмечает Линда Хатчен, анализ их взаимосвязи часто описывается в оригинальной форме. Аргументируя связь постколониализма и постмодернизма, она фиксирует ее начало с различения постколониальной науки и критики. Учитывая существование развитых политических систем и теории управления, постколониальная критика способна выйти за пределы деконструктивистской основы философии постмодерна в реальность социального и политического действий. Но в то же время верно и то, что постколониальная литература, к примеру, выражаясь словами Хелен Тиффин, «чрезмерно обогащена империалистическим взглядом», т. е. неизбежность политической мотивации не вызывает сомнений.

В свою очередь постмодернизм политически амбивалентен: его критика сосуществует с одинаково реальным политическим соучастием в формировании культурных доминант, в пределах которых он затем воплощается и которые Линда Хатчен фиксирует в трех ипостасях: постколониализм, постмодернизм и феминизм, «...пытаясь провести границу между империалистским субъектом и субъектом гуманизма»¹. В то время как постколониализм актуализирует первого (империалистского) субъекта в качестве объекта критики, а постмодернизм принимает экспликацию второго, феминистские мнения подчеркивают неприятие обоих. Подтверждением этого послужит название сборника эссе «Двойная колонизация» (Хольст Петерсен и Раденфорд, 1986), демонстрирующего образцы колониального и постколониального женского письма. Роль феминизма обозначается Хатчен в схожем влиянии как на постмодернистскую теорию, так и на постколониальную критику. Говоря современным языком, он переставил местами «универсалистско-гуманистический» и либеральный дискурсы, в которых утвердился и занял центральное место.

«Универсалистско-гуманистический» дискурс стремился к переопределению природы двойной колонизируемости (но, возможно, еще не двойной «де-колонизации») субъекта и его репрезентаций преимущественно в сфере искусства. Либеральный тип содержит в себе современные постструктуралистские/постмодернистские изменения по направлению к автономии субъекта, акцентирующие внимание на упорядоченности системы, которая может себе их позволить.

По мнению Хатчен, главное различие между постмодернизмом и постколониализмом состоит в зафиксированном факте взаимосвязи и взаимозависимости трех блоков аналитической деятельности: формального, тематического и стратегического.

Суть формальных вопросов отражается в том, что обычно называют «тайным реализмом», тематических – в развитии истории и процессах маргинализации, а дискурсивные стратегии иронии и аллегории равноценно распределены в постмодернизме и постколониализме, определяя стратеги-

ческий базис. Формальная техника «магического реализма» (с характерным смешением фантастического и реального) отобрана многими критиками как один из ключевых моментов сопряжения постмодерна и постколониализма. Как аргументирует Стефан Слемон, еще до недавнего времени это понятие использовалось в отношении к литературе так называемого «третьего мира», особенно латиноамериканской и литературе Карибского бассейна, но сейчас рассматривается более широко и в других культурно маргинализованных контекстах. Характеристикой подобного типа пространств становится «сопротивление массивному империалистскому центру и тоталитарным системам»².

Относительно тематического (структурного уровня) – это не только связь и отношение к истории, которая устанавливает совместность и взаимосвязь двух типов дискурса, но и свидетельство маргинализации с констатацией того, что мы могли бы назвать экс-центричностью. С позиции ценностного отношения постмодернистской парадигмы маргинал (или Другой) признает, что не может обладать какими-либо привилегиями без дозволения на их наличие со стороны централизованной структуры власти. Регионализм «магического реализма» и особый взгляд постмодернистского искусства являются в данном контексте хорошими примерами оспаривания не только централизации, но и утверждения универсальности. Постмодернизм характеризуется как «мысль, отказывающаяся развернуть Другого по отношению к самому себе»³, и это, безусловно, имеет значение для постколониализма.

Несмотря на формальные и тематические блоки, упомянутые выше, существуют и те, которые могут быть названы стратегическими и риторическими, – использование иронии в качестве двойного или расщепленного дискурса, имеющего тенденцию разрушения изнутри. Некоторые критики отражают распределение иронии как знака «расширения сферы применения постструктуралистских кодов, признаваемых западным обществом»⁴, но постструктурализм может быть отражен и как продукт более широкого культурного контекста постмодернизма. Семантическая и структурная двойственность вызывает дуализацию истории, сознания и идентичности, а ирония становится стратегией пере-осмысливания и переадресации этих процессов в сферу человеческого мышления (рефлексия характерна и для постмодернизма и для постколониализма). Линда Хатчен считает, что критика всегда может быть соучастной, причем ирония играет в этом отношении главенствующую роль. По этой причине она не согласна с одним важным положением Саймона Дюринга, определяющего тактику постколониализма как «необходимость идентификации наций или групп, считающих себя жертвами империализма, согласно универсалистскому или европоцентристскому концепту и образу»⁵, тем самым устраняя ироничность из процесса идентификации.

Несмотря на то что «теория» особенно проявилась в такого рода постколониальном креативном тексте, некоторые философские тексты предлагают окончательные формулировки, по всей видимости, постструктуралистского рода, основываясь на текстах Деррида и Фуко. Отклонение картезианской индивидуальности, нестабильность значения, наличие субъекта в языке или дискурсе, динамическая система управления и власти – все эти известные постструктуралистские концепты появляются в постколониальной мысли в различных вариантах, которые тем не менее подтверждают управляемость и колонируемость субъекта. Постколониализм – не просто разновидность «политического постмодернизма», это неослабевающее внимание империалистическому процессу в колониальном и нео-колониальном обществах, анализ стратегий разрыва наличного материала и его дискурсивного эффекта. Одним из путей анализа этих двух дискурсов можно на-

² К примеру, Уилсон Харрис «Традиция, Автор и Общество» (1973).

звать сравнение степени проявленности претензий (притязаний) в сфере опыта.

Нам часто говорят, что мы живем в «эре постмодерна», и в этом утверждении очевидна проблематика европейского (или трансатлантического) культурного течения, создающего такое же притязание на мир истории, как и другие интеллектуальные проекты настоящего времени. Постмодернизм, является ли он логичным культурным базисом позднего капитализма (как утверждает Фредерик Джеймсон*) или нет, все же не претендует на роль фундамента повседневной жизни. Попытка замещения разнообразных форм проявления постмодерна (не оспаривая и позитивного эффекта воздействия) западным постмодернистским пафосом привела к убежденности в том, что это всего лишь способ доказательства живучести европоцентризма. В постколониальном прочтении заявленная объективность постмодернизма приобретает форму субъективной интерпретации, не претендующей тем не менее на исключительность.

Перечисленные теоретические сходства не умаляют значения того факта, что культурные практики постструктуралистской и постколониальной сфер анализа диаметрально противоположны. Методологическая основа постструктурализма во всех его проявлениях базируется на возвращении к каноничным и традиционным формам литературной критики, актуализируя исключительно новый взгляд на довольно известные тексты. В противовес подобной идее постколониальное литературное творчество прекращает любые попытки возвращения к канону, реанимируя мыслительную способность до понимания того, чем является/становится литература вообще. Формальным признаком отрыва от канона стала категория «пост» в постколониальной теории. Однако на этот счет вполне оправданно возражение по поводу наличия той же категории в пост-модернизме. Обращаясь к текстам, маркированным как «постколониальные», обнаруживается востребованность изучения подобного рода приемов. Для Квэйм Энтони Аппиа понятие «пост» в постколониализме весьма отлично от постмодернистского, для которого это «пост» – «очищающий пространство мышления жест», жест, который можно охарактеризовать как постреалистический. Постмодернизм – постреалистичен. Пост-реалистичность письма, пост-национализация политики. И в результате все чаще возникающее чувство пост-оптимизма, уравновешивающее любые проявления творческого энтузиазма. Постколониальность в этом смысле более динамична, адекватна историческому и социокультурному контекстам.

В постколониальных текстах описывается «постмодернизация» вместо постмодернизма, «транснационализация» вместо фиксированных национально-этнических категорий. К примеру, Саймон Дюринг объективирует возможность со-развития некоторых постколониальных обществ на основе их «постколониализирующей» способности. Заявленная «способность» требует одного допущения: она с необходимостью должна быть проработана человеческим сознанием до понимания «постколониальности» как процесса, совместного с идентификацией. Проблематика культурной и кросс-культурной идентичности составляет важную структурную часть в междисциплинарном направлении гуманитарного знания, требующую самостоятельного исследования. В рамках данной статьи, сосредоточенной на анализе двух типов дискурса, концепт культурной идентичности коррелирует с принципами универсализации и культурной аутентичности. Саймон Дюринг развивает по этому вопросу своеобразную дискуссию**. Он считает, что существует искусственно созданное пространство, которое отрицает постмодернизм, –

* «Постмодернизм или логика культуры позднего капитализма» (1991).

** «Постмодернизм или постколониализм сегодня» (1987).

инаковость. Концепт постмодерна сформирован при помощи категорий (принципов), которые более или менее интенционально нивелируют возможность развития постколониальной идентичности. Стремление к идентификации деколонизируемых обществ преодолевает этот барьер, осуществляя поиск основания для саморепрезентации, которым, согласно постколониальной теории, является прежде всего язык. Вопрос языка для постколониализма является одновременно политизированным, культурным и литературным чисто в материалистическом плане самоопределения: выбор языка – это выбор идентичности. К примеру, Бенедикт Андерсон в «Imagined Communities» («Воображаемые сообщества») отмечает: «Конвергенция капиталистической системы и печатного дела влияла на фатальное разнообразие человеческих языков, способствуя зарождению новой формы общества (воображаемого сообщества), ставшей прообразом современной нации»⁶. Возможность перевода одного языка на другой не означает смерти языка как такового; непереводаемость некоторых языковых структур становится принадлежностью только тех, кто говорит. Но существует ли возможность выразить непереводаемое? Если да, то в какой форме? Несмотря на возрастающую вариативность их выражения, наличие произвольного характера осуществления очевидно. Подобная произвольность, саморепрезентация (самовыражение), переводимые в сферу столкновения (смешивания) языков, приводят к тому, что не только национальная идентичность не получает поддержки от языка, но и сам язык не может позволить себе стать свидетельством какой-либо отдельной идентичности. К примеру, в экс-колониях Вест-Индии, Мавритании и Новой Зеландии национальным (родным) языком является один из мировых языков – английский.

Для постколониального проекта власть одной системы языка спроектирована заранее. Со стороны постмодерна английский (мультинациональный язык капиталистической системы) заимствуется только теми доколониальными языками, которые сами обрекли себя на запоздалость развития. Подтверждением сказанного может послужить «Апокалипсис сегодня» Салмана Рушди. Нереализация истории, триумф нормативности, пограничное состояние всех культур приводят к артикуляции проблематики *Diffe'rend* (столь популярной в постмодернизме), хотя и в новой, эпической форме. Специфика прояснения *Diffe'rend* постмодернистской практикой и постколониализмом дана в использовании истории. Как утверждает Линда Хатчен, «историографический метаязык признает парадокс реальности прошлого, но ее текстуализированная доступность сегодня не вызывает сомнения»⁷. Текстуализация истории затрагивает теоретические, рефлексивные проблемы постмодерна: репрезентативность, истинность текста, гифологичность пространства и т. д. Постколониализм, не отрицая текстуализированности истории, фокусирует внимание на реальности прошлого исключительно через отсылку к настоящему. Таким образом, постмодернистская парадигма более свободна в выборе того, что мы можем/хотим знать из фактов истории, нежели постколониалистская, сосредоточенная на фактах истории, связанных с кризисом сознания/репрезентации/легитимации определенного социокультурного пространства. Отказ от признания кризиса, по мнению представителей постколониальной критики, как закономерного факта динамики своего общества (тенденция западного мышления) не позволяет вести продуктивный диалог в области осмысления феноменов обоих типов дискурса в настоящем и не позволит сделать это в будущем.

Одним из возможных вариантов исследования отношения представителей постколониальной критики к постмодернистской проблематике является анализ текстов Линды Хатчен, Саймона Дюринга и Стефана Слемона. Специфика и дискуссионный характер их точек зрения обретают в постколониализме единое прочтение – завершенность постмодернистского проекта

в силу возрастания актуальности постколониальной теории. Подобное утверждение обосновывается критиками необходимостью и неизбежностью выхода за рамки теоретизирования в сферу исторической и социокультурной реальности.

Однако, принимая во внимание незавершенность обозначенных процессов, обобщить все стратегии развития и утвердить единую систему адекватного оценивания в полной мере не представляется возможным. Современные тенденции все чаще выступают в роли специфического «лакмуса» в отношениях переоценки фундаментальных философских систем, рассредоточения их проявлений на социализацию мышления, отражаясь в практиках познания «иных» взглядов на мир, репрезентации и интерпретации много-составных социокультурных контекстов.

¹ In Other Worlds: Essays in Cultural Politics. New York, 1987. P. 202.

² Slemmon S. Magic Realism as Post-Colonial Discourse. Canada, 1988. P. 10.

³ During S. Post-modernism or Post-colonialism Today. New York, 1987. P. 33.

⁴ Slemmon S. Post-colonial Allegory & the Transformation of History // Commonwealth Literature, London, 1988. P. 157.

⁵ During S. Ibid.

⁶ Anderson B. Imagined Communities. New York, 1983. P. 49.

⁷ Hutcheon L. A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. London; New York, 1988. P. 14.

Поступила в редакцию 15.10.2002.

Елена Владимировна Матусевич – аспирантка кафедры философии культуры. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор М.Н. Можейко.

О.С. КУЗИНА

ПОНИМАНИЕ ЖИВОПИСНОГО ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ МЕЖСУБЪЕКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рассматриваются и предлагаются структурные уровни процесса понимания искусства как некая модель действий коммуникантов в акте взаимодействия.

The structural levels of process of understanding art are considered as a certain model of communicator's actions in the process of interaction.

С методологической точки зрения специфика любого исследования зависит от трех важнейших моментов: объекта, предмета и метода исследования. В нашем случае объектом анализа является живописный текст, а предметом – его понимание в процессе взаимодействия автора и реципиента. Достижения современной методологии науки не охватывают проблематику понимания искусства и требуют привлечения методов герменевтики, феноменологии, теории коммуникации.

Понимание – процедура, связанная с включением некоторого нового содержания в систему устоявшихся идей и представлений субъекта, это акт, посредством которого происходит преодоление культурной и временной дистанции между субъектом и объектом. В исторической ретроспективе существовало два подхода к пониманию: деятельностный и диалоговый.

Деятельностный подход предполагает конструирование смысла через деятельность: создание предметов, объективацию идей. Созидание происходит не только через труд, но и другие формы деятельности, например искусство. Через деятельность человек понимает самого себя (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, М. Вебер, А. Шюц и др.). В такой версии «понимание» трактуется как предоснова любых возможных мыслительных процессов. Понимание есть способ освоения человеком культурно-исторической традиции, форма бытия.

Другая линия развития «понимания» в философской мысли связана с именами Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера.

